

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Разиф Абдуллин

Поколение перемен

Для тех, кто пережил перестройку и
коронавирус

Разиф Абдуллин
Поколение перемен

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Абдуллин Р.

Поколение перемен / Р. Абдуллин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Сборник стихов, написанных с 1986 по 2021 годы, своеобразная летопись поколения перемен: эмоции, чувства, переживания и выводы, которые вполне могут отражать и ваш собственный опыт. Содержит нецензурную брань.

© Абдуллин Р., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Разиф Абдуллин Поколение перемен

1934

День стал как вкопанный. Он замер.
Он притаился в тех кустах.
Он плачет тихими слезами,
Что ж, видно, совесть нечиста.

Он видел страшное – погибель,
Он видел дикое – тюрьму,
Когда все истины нагими
На миг представились ему.

Но ничего не оставалось -
В обнимку ночь со смертью шла,
И солнце черным оказалось,
И тень зловещая легла.

И день застыл, как изваянье,
От скорби, страха и стыда.
И знаком будущего зная,
Как выстрел, вспыхнула звезда.
(1986)

Я видел ночь, я видел свет,
Но это, кажется, так мало,
И я не распят, не раздет,
Я просто ротный запевала.

Я не проснусь сегодня днем,
Я буду петь сплошные сутки.
О бог ты мой, мы не заснем,
Ведь сон – он ждет нас, слишком жуткий.

Но вот отбой, все на местах,
И новой песни не хватало.
О бог ты мой, как я устал
Все это затевать сначала.

Сначала – встань, потом – иди,
Повсюду – грязь, повсюду – кража.
И лишь в озлобленной груди
Обиды горькая поклажа.

Вот – поворот, ать-два – стоять!
Равнение на! Какая мерзость.
Я не приучен ночью спать,

Я отрабатываю дерзость.

Когда посмел на палец быть
Самим собой, не слишком светским,
Не слишком слабым – толку ль бить
Своих, чужих – и все советских?

Но рота спит, как бред, как снег,
Как свет на солнечной полянке.
Все это словно в полусне,
В аду, в кошмаре, в дикой пьянке.

Одни стоят, другие бьют,
Все молча, как язык отрезан.
Здесь вроде совесть продают?
Здесь убивают чью-то дерзость.

Я был не первым, не вторым,
Я в этот ряд, как в похоронный,
Встал рядом с новеньким – живым,
Одним из всех, такой же сонный.

А вот и мой черед настал,
Меня прижали к грязной стенке.
О бог ты мой, как я устал
Твои обслуживать застенки.

И этот мир, как явный бред,
Когда любви совсем нет места,
И милосердия как нет,
Так и не будет – слишком тесно.

И все вокруг – я в них проник -
Они так жаждут избавленья!
И новых душ живой родник -
Он будет, он начнет творенье.

И в самый страшный черный миг,
Когда мне душу оплевало,
Я тайну мудрости постиг,
И жить попробовал сначала.
(1986)

1933

А в доме моем печальная тень,
Печальная тень, печальная тень.
Она донеслась из тех деревень,
Из тех деревень, из тех деревень...

Там хлеба ни крошки, голодные крошки
И старцы опухли, лежат на земле.
А ваши обутые в мягкое ножки
По мягкой дорожке ступают в Кремле.

И сухо во рту, и сухо в желудке.
Мы хлеба не видим десятые сутки.
И снится нам хлеб, но сны эти жутки,
Мы вам не желаем такого узнать.

И кончился сон – а иссохшие руки
Нас ласково гладят в предсмертной разлуке.
Так нам облегчает последние муки
В голодные годы голодная мать.

А в доме моем печальная тень,
скорбящая тень, холодная тень.
Она донеслась из тех деревень,
Из тех опустевших навек деревень...
(1987)

Я вам хочу сказать про перестройку.
Я лишь сейчас сподобился понять,
Что все, что мы сготовили, мы сделали на тройку.
Нам далеко до гладкой цифры "пять"!

Нам далеко до сахарного рая,
Как далеко до этой, до Луны.
Но что теперь поделать, я просто уж не знаю,
У нас ведь демократия, и все теперь равны.

И я теперь ослаб от рассуждений,
Я верил всем – не верю никому.
Уж был Один – ну он-то точно гений,
Теперь его свалили, я это не пойму.

Я не пойму и собственного сына,
Ведь он готов часами слушать рок,
А Сталин иль Хрущев, иль Брежнев – все едино,
Все для него – незаданный урок.

Но, может, я не прав – не обессудьте,
Ведь я мозгой лишь счас зашевелил,
Но вот когда квартиры делить меж нами будете,
Меня вы не забудьте – я тоже с вами жил.

Я вам сказал свое про перестройку.
Я очень рад, стараюсь, не грущу.
Но если мы опять все сделаем на тройку -

И плохо будет жить – я это не прощу.

Я не прощу обещанной квартиры,
Я не прощу и сахарный талон.
Я матом испишу все бани, все сортиры,
Иль даже – просто голым! Я выйду на балкон!
(1987)

Мозги как выжатый лимон,
В груди не шевельнутся чувства.
И просто жить – уже искусство
Великое с былых времен.

Искусство жить – не притворяться,
Искусство быть самим собой,
И сердцем к сердцу притираться,
И рваться в бой и непокой.

Когда Адам влюблялся в Еву,
А принц решал: быть иль не быть,
С тех пор все мы – мужи и девы
Страдали и учились жить.

И вот 20-ый век, железный,
Он суетой замельтешил,
Между "приятно" и "полезно" -
Нам этот выбор предложил.

Я не умею притворяться,
И не хочу я выбирать
В ногах каких вельмож валяться -
Я буду тихо умирать.

И пусть последний крик болезный
Услышит кто-нибудь другой:
"Нам всем одна любовь полезна!"
И с ней уйду я на покой.
(1987)

"Жизнь просто в дым ушла", -
Так скажут о тебе подросшие мальчишки.
"Бросайте все в костер: и головы, и книжки!
Нам надоело жить – пусть все сгорит дотла.

Нам надоело ждать прекрасного далека.
Слова, одни слова, а внутрь копнешь – гнилье.
Как поманила нас та гласность-перестройка.
А кто счас наверху? Ты посмотри – жулье."

Пусть правда говорит злым голосом младенца.
Он тоже хочет жить – и кончен разговор.
Зачем же своего не пожалели сердца,
И жизнь с шести годов засунули в костер?

А все так – как всегда: коль плохо – будет хуже,
И новая беда заглушит боль на миг.
Несчастливая страна лежит, забывшись, в луже,
И порцию вина глотает, как родник.
(1992)

Слугой господ не вздумай стать, дружище.
Таких холопов по миру уж тыщи.
Сам сильным будь, но про свою любовь
Не позабудь. Себе не уготовь
Судьбу раба, которого не ждут
Ни дом, ни бог – лишь пряник или кнут.
(1993)

Деревья смотрят безучастно,
По телевизору – война.
"О боже!" – восклицает пастор.
И снова в трауре страна.

Детишки насмотрелись всласть,
К чему приводит наша власть.
Малыш с вопросом: "Где Руцкой?"
Приходит с улицы домой.

Мы посидели за два дня.
Что вынесем из-под огня?
Войну на многие года
Иль мудрость мирного труда?

И пусть Москва теперь молчит,
Она зажгла огонь свечи.
Молясь, надеждою живет
Многострадальный мой народ.
(1993)

Я без бога, без языка,
Что-то вроде дворняги-щенка.
У меня есть убогий мой двор.
Не хозяин я, но и не вор.

Я без бога, без языка.
У меня не дрогнет рука,
Если надо обидчику дать,
И люблю я родину-мать.

Я без бога, без языка.
Лучше всех знаю силу пинка.
Если надо – я промолчу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.